

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

О. А. ЛАПТЕВА

ГОМОФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РЯДЫ — ПРИНЦИП СИСТЕМНОСТИ
РУССКОГО НЕКОДИФИЦИРОВАННОГО УСТНО-РАЗГОВОРНОГО
СИНТАКСИСА

Исследование различных особенностей русского устно-разговорного синтаксиса выявило ряд парадоксов, свидетельствующих о противоречивости объекта. Оказалось, что в современном устно-разговорном синтаксисе существует целый ряд остро специфических моделей предложения (геср. высказывания), не свойственных синтаксису общелитературному. Их появление в речи современных носителей литературного языка обладает высокой степенью обязательности, а сами они обнаруживают ярко выраженное свойство нормативности. Структурные признаки этих синтаксических моделей весьма определены, сами модели довольно разнообразны. Хотя внимание исследователей, увлеченных поисками и открытиями, было направлено, естественно, прежде всего именно в сторону изучения специфики объекта¹, оказалось в то же время, что самый объект обнаруживает и иные свойства, отличные от названных и даже противоположные им. А именно, синтаксические построения устно-разговорной литературной речи нередко бывают слабооформленными и не обнаруживают ни специфических конструктивных признаков, ни свойств нормативности. С другой стороны, и общелитературные синтаксические средства без какой-либо трансформации свободно входят в арсенал устно-разговорного синтаксиса, специфических же по своим структурно-грамматическим качествам моделей насчитывается немного.

Эти предварительные итоги непосредственно ведут к постановке вопроса о природе внутрисистемной организации устно-речевых синтаксических средств. Первые попытки в этом направлении уже сделаны. Они основываются прежде всего на учете тех из названных свойств, которые связаны с яркой специфичностью устно-речевых построений; вопрос переводится в плоскость выяснения их парадигматических и синтагматических характеристик, что служит основанием для вывода о признании устно-разговорного синтаксиса, как и всей области разговорной речи в целом, особой языковой системой². При этом свойства второго рода рассматриваются лишь как вкрапления иносистемных элементов, в связи с чем они специально не изучаются и по сути дела оставляются без исследовательского внимания.

Выяснение парадигматических и синтагматических свойств моделей имеет первостепенное значение для понимания характера их организации,

¹ См. работы О. Кафковой, К. Кожевниковой, А. А. Никольского, О. А. Лаптевой, О. Б. Сиротининой, Г. Г. Инфантовой, Е. А. Земской, И. Н. Кручининой, Е. Н. Ширяева.

² Е. А. Земская, Русская разговорная речь (Прспект), М., 1968.

принципа их системности³. Но оно должно непременно включать в себя не только постижение внутривидовых показателей синтаксических моделей, должно быть результатом не только описания «изнутри» конструкции, но и, основываясь на выявленном наличии моделей, должно охватывать изучение отношений между этими моделями, выяснение характера их взаимосвязей, которые, как уже сейчас видно, отнюдь не хаотичны. Именно это и позволит понять способы системной организации устно-разговорного синтаксиса.

1. Весь корпус предикативных конструкций современного русского литературного устно-разговорного синтаксиса состоит из средств специфического грамматического оформления (и значения), принадлежащих только устно-разговорной разновидности современного русского литературного языка, средств общелитературного синтаксиса и средств, не обнаруживающих четкого грамматического оформления (и значения) и приближающихся (или вплотную смыкающихся) к окказиональным образованиям. Слабооформленность последних, равно как и немаркированный характер общелитературных средств, препятствует тому, чтобы основной принцип системности устно-разговорного синтаксиса складывался и проявлялся на их материале. Напротив, специфически устно-разговорные построения оказываются именно той областью, где прежде всего находит свое воплощение способ организации всех отдельных синтаксических моделей в единую систему, в которую оказываются вовлеченными — в качестве периферийных областей — и конструкции второго и третьего типов.

Эти построения, составляющие центр поля устно-разговорного синтаксиса, целесообразно рассматривать в качестве т и п и з и р о в а н н ы х построений. Типизированные построения обладают рядом лишь им свойственных признаков:

1) Их структура в своем генезисе обусловлена особенностями устной формы их реализации и бытования. Они очень удобны и органичны в устном произнесении при линейном формировании высказывания.

2) Четкость их структурной организации обуславливает принципиальную определяемость и исчислимость их конкретных признаков. Это не исключает возможности варьирования модели.

3) Поскольку типизированные построения образуют синтаксические модели, они контекстуально не зависимы⁴. Это их свойство распространяется и на сложившиеся способы линейного расположения компонентов в составе моделей.

4) Типизированные построения высоко частотны, воспроизводимы, они обладают свойством высокооблигаторной нормативности, обязательности для речи носителей литературного языка в условиях определенной ситуационно-тематической ее обусловленности, при выполнении определенного коммуникативного речевого задания⁵. Это не исключает возможности их синонимических отношений с соответствующими общелитературными построениями.

³ Ср. наблюдение Е. А. Земской над синтагматикой именительного падежа в РР, которая отличается от его синтагматики в кодифицированном языке благодаря наличию большего числа означаемых в РР.

⁴ Это и другие свойства типизированных построений не позволяет относить к их числу ситуативно прикрепленные и невоспроизводимые в качестве модели высказывания типа *звони на лыжах* (Е. Н. Ш и р я е в, О некоторых аспектах описания конструктивных высказываний разговорного языка, сб. «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи», Горький, 1972).

⁵ См. об этом: О. А. Л а п т е в а, Нормативность некодифицированной литературной речи, сб. «Синтаксис и норма» (в печати).

5) Типизированные построения охватывают всю устно-разговорную разновидность современного русского литературного языка во всех ее разветвлениях. Они не знают принципиальных ограничений в своем пространстве в ее пределах, но в наибольшей степени концентрируются в ее центральной сфере — обиходно-повседневной (в которую входит в качестве подвида обиходно-бытовая сфера).

6) В пределах устно-разговорной разновидности современного русского литературного языка типизированные построения, образующие различные модели, выступают совместно, входя друг с другом в системные отношения и организуясь в синтаксические ряды. С этим связано свойство их предсказуемости (появление в речи одного из типизированных построений означает возможность появления других при благоприятных ситуационно-тематических условиях).

Из предложенной характеристики типизированных построений явствует, что это не просто выборочно взятые устно-разговорные модели, но наиболее характерные, ведущие, образующие костяк устно-разговорного синтаксиса. Набор их, как об этом позволяют судить произведенные к настоящему времени исследования, невелик (разумеется, это не означает, что он уже определен окончательно).

Можно назвать следующие шесть конструкций, участвующих в организации синтаксических рядов (выбор терминов, обозначающих модели, условен и носит предварительный характер): 1) конструкции с именительным темой (типа — *А дочка ваша, она историк?*); 2) конструкции добавления (типа — *Они все такие изголки*); 3) вопросительные конструкции с дополнительной фразовой границей (типа — *Это ты нарочно, да? сырое бревно притащил*); 4) бессоюзные подчинительные конструкции (типа — *А где шнурок носила ты?*); 5) конструкции наложения (типа — *Это телецентр, а ей башню она спросила*); 6) конструкции обращения (типа — *Пройдите кто на банки!*)⁶.

Каков же характер языкового поля, образуемого этими синтаксическими построениями?

Результаты исследований последних лет показывают, что оно устроено согласно принципу волн, с перемежающимися и переливающимися одна в другую зонами сгущения и разрежения характерных черт моделей. Такое устройство позволяет полю быть непрерывным, диффузным, не иметь четких и резких границ между зонами, представляющими отдельные модели. Эти зоны, являющиеся центрами сгущения специфических характеристик моделей, постепенно переходят в периферийные области, где напряжение сгущения специфических свойств ослабевает, уступая место меньшей структурной определенности. Располагаясь между центрами, эти периферийные области создают текучесть поля, при которой модели с разными

⁶ Их описание выполнено в работах: О. А. Лаптева, О некодифицированных сферах современного русского литературного языка, ВЯ, 1966, 2; е е же, Некоторые эквиваленты общелитературных подчинительных конструкций в разговорной речи, сб. «Развитие синтаксиса современного русского языка», М., 1966; е е же, О структурных компонентах разговорной речи, «Р. яз. в нац. шк.», 1965, 5; е е же, гл. 7 в кн. «Морфология и синтаксис современного русского литературного языка», М., 1968; е е же, Литературная и диалектная разновидность устно-разговорного синтаксиса и перспективы их сопоставительного изучения, ВЯ, 1969, 1; е е же, Общие устно-речевые синтаксические явления литературного языка и диалектов, сб. «Русская разговорная речь», Саратов, 1970; Е. А. Земская, Русская разговорная речь; Е. Н. Ширяев, Интерференция в синтаксисе разговорной речи, сб. «Вопросы синтаксиса русского языка», Калуга, 1971; е т о же, Связи свободного соединения между предикативными конструкциями в разговорной речи, сб. «Русская разговорная речь», Саратов, 1970; И. Н. Курчина, Синтаксис разговорной речи, «Русская речь», 1968, 1; е е же, Конструкция с местоимением *который* в современном русском языке, ВЯ, 1968, 2.

характеристиками постепенно, без резких стыков переходят одна в другую. Диффузность структурных характеристик, представленных в периферийных областях, весьма удобна при спонтанной речевой деятельности и позволяет этим областям одновременно являться производными от разных моделей. Таким образом, получается формальное смыкание моделей в периферийных областях материально в одних и тех же реализациях. Тем самым периферийные, переходные, в структурном отношении слабо оформленные области приобретают первоочередную роль в формировании поля устно-разговорного литературного синтаксиса. Именно они придают входящим в него языковым средствам гибкость и подвижность, необходимую для реального функционирования спонтанной речи, где сознательность выбора модели и момент обдумывания практически отсутствуют. Автоматизм в выборе языкового средства ведет к употреблению модели и ее модификаций с четко отшлифованными в узусе характеристиками, свободное маневрирование этим средством — к употреблению формально менее четко организованных и многочисленных ее реализаций. Говорящий черпает синтаксические средства то из центральных, то из периферийных зон поля. Противоположности смыкаются.

Если бы поле было представлено лишь одними сгущениями характерных свойств моделей, оно не смогло бы полностью отвечать свойству спонтанности речевого акта, «раскованному», ассоциативному ходу мыслительно-речевого процесса, не позволило бы говорящему оторваться от набора клише.

Итак, модели сходятся. Но какие? И вот здесь обнаруживается наиболее интересное и важное свойство поля. Оказывается, что гибкость устройства поля, проявляющаяся в его континуальности⁷, позволяет смыкаться не только собственно устно-разговорным моделям (в их реализациях), но и этим моделям с моделями другого поля — поля общелитературного синтаксиса. Тем самым обеспечивается единство и цельность современного русского литературного синтаксиса (и, шире, языка) в целом. И это оказывается тем более необходимым, что говорящему носителю русского литературного языка приходится черпать речевые средства отнюдь не только из первого, но и из второго поля, пользуясь при этом не только реализациями общелитературных моделей, но и самими этими моделями. Корпус синтаксических средств устно-разговорной литературной речи в целом оказывается шире специфических средств, составляющих поле устно-разговорного синтаксиса.

Чем же реально обеспечивается языковая непрерывность поля устно-разговорного синтаксиса? Первоочередную роль в формировании его гибкости играет принцип трехчленности ряда, охватывающий внутреннюю организацию модели. Устно-разговорная синтаксическая модель представляет собою трехчленный гомофункциональный синтаксический ряд, состоящий из собственно модели, ее структурных модификаций и их конкретных речевых реализаций⁸. Предлагаемый

⁷ Ср.: Ю. М. Скребнев, Подъязык «разговорной» речевой сферы и совокупный лингвистический объект, сб. «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи».

⁸ В каком-то смысле первые два из предлагаемых терминов можно соотнести с известными терминами «структурная схема предложения» и «регулярные ее реализации», однако такое соотнесение неполно и неточно, во-первых, из-за трехчленности устно-разговорной системы и двучленности литературной, во-вторых, из-за большей емкости понятия «собственно модель», включающей не только главные члены предложения. Ближе по содержанию понятия «модификация» и «регулярная реализация». Остается

термин «гомофункциональный» показывает, что модель, ее модификации и реализации 1) относятся к одной функциональной сфере языка, 2) однородны по структуре и выполняемым функциям. Эти ряды могут быть названы также «гомогенными», исходя из того, что составляющие их конструкции 1) одного происхождения (порождены условиями устно-речевого функционирования синтаксиса), 2) имеют одно и то же грамматическое значение.

Собственно модель, входящая в гомофункциональный ряд, представляет собою сгущение структурно-функциональных признаков, позволяющее ей стать моделью, отличной от других моделей. Она может быть представлена и одним, ведущим признаком, отражающим основной принцип устройства модели. Модель обычно бывает представлена не только такой «головной» конструкцией, но и рядом м о д и ф и к а ц и й, сохраняющих основные структурно-функциональные свойства модели и при этом обнаруживающих какое-либо дополнительное (дополнительные) свойство (свойства), высокая степень формализации которого (которых) позволяет модификации остаться обобщенным типом, «подмоделью». В реальном речевом потоке возможно появление многочисленных и разнохарактерных р е а л и з а ц и й модели и ее модификаций, которые, однако, сохраняют ведущее структурно-функциональное свойство модели (и структурно-функциональное дополнительное свойство модификации), отличаясь от нее и различаясь между собой как разные синтаксические формы второстепенными характеристиками. Реализации неустойчивы, неклишированы. Автоматизированность устно-речевого потока проявляется в них лишь в ведущем принципе их организации, но не в самом их структурном оформлении (как это происходит с собственно моделью и модификацией, проявляющими свойство типизированности и обобщенности в связи с клишированностью их формы и значения). В силу этого количество реализаций неучитываемо, в то время как количество модификаций исчислимо (обычно оно не бывает большим). Реализации в принципе невозможно классифицировать и описать по их структурным типам из-за отсутствия таковых. Близко подходя к области немоделируемых, слабооформленных и окказиональных построений (которые мы не включаем в поле по причине отсутствия у них свойства воспроизводимости, повторяемости, что лишает их системно-языкового характера), реализации являются тем звеном, в котором совершается переход этих слабооформленных построений в число образующих поле и превращение их в реализации определенной модели. Так расширяются возможности устно-разговорного синтаксиса, происходит его развитие и обогащение. Реализации модели выступают в качестве наиболее динамического звена системы, в качестве лаборатории будущих сдвигов и изменений в синтаксисе. Они своим существованием как бы узаконивают факт бытования в литературной речи построений самого разного, совершенно необычного с точки зрения кодифицированного синтаксиса вида (не возводя их, конечно, в ранг нормы), показывающего колоссальный резерв возможностей адекватного выражения мысли, создают пре-

недостаточно ясной соотнесенность обоих рядов терминов с понятиями «предложение» и «высказывание». Думается, что понятие «предложение» применимо к членам «собственно модель» и «модификация» (характеризуются четкими формально выраженными признаками), хотя уровень абстракции собственно модели может оказаться выше уровня абстракции предложения и тогда «собственно модель» окажется лишь конструктом. Понятие «высказывание» применимо к членам «модификация» и «реализация». Положение «модификации» на пересечении свойств предложения и высказывания может быть расценено как отражающее ее изморфность — одновременную ее принадлежность уровню более высокой абстракции, обладающему свойством формализации, и уровню конкретного проявления ее в речи.

красные возможности для их появления в речи⁹. А если прибавить к этому их свойство осуществлять смыкание моделей, то их роль в формировании выразительных возможностей средств поля устно-разговорного синтаксиса и самого структурного каркаса этого поля предстанет как ведущая, несмотря на более низкий (сравнительно с моделями и модификациями) уровень их грамматической абстракции.

Трехчленность ряда — свойство идеальное. Его материализация в виде полного построения «собственно модель — ряд модификаций — неисчисляемые реализации» обычно осуществляется относительно наиболее широко представленных в речи конструкций, отражающих ведущий принцип линейной организации устно-речевого высказывания в целом (например, относительно конструкций с именительным темой). Такой разветвленный ряд отчетливо показывает нахождение его членов на разных уровнях грамматической абстракции. Конструкции более специфического грамматического значения могут быть представлены суженным, неполным рядом, в котором реализации могут следовать непосредственно за собственно моделью. Может оказаться и так, что разнообразие реализаций невелико, и их функции в ряду принимают на себя модификации. В случае материализованного трехчленного ряда собственно модель может уступить (но не обязательно уступает) свое место реализованного в речи построения модификациям и в таком случае оказаться лишь идеалом, конструктом. В случае неполного ряда этого не происходит, и собственно модель воплощается в реальную конструкцию.

Если ряд, составляющий модель, представить как вертикальный, то окажется, что он существует наряду с рядом горизонтальным. Такой гомофункциональный (к нему также приложимо это название, но только по первому основанию) ряд, тоже трехчленный, создает языковую непрерывность поля устно-разговорного синтаксиса и складывается из двух полюсов — двух разных собственно моделей (с их модификациями), между которыми располагается общая для них реализация (реализации). Глубинно-вертикальный и горизонтально-положенный ряды создают текучесть поля во всех измерениях с центрами максимальных сгущений свойств в областях собственно моделей и максимального их разрежения в областях реализаций. Так вертикальный ряд переливается в горизонтальный.

Охарактеризованные ряды не являются синонимическими, поскольку входящие в них построения — в случае вертикального ряда — несут общее грамматическое значение и имеют однотипные, объединенные общим принципом, функционально-структурные свойства. В случае горизонтального ряда значение реализации обычно диффузно и позволяет ей соединять в себе разные значения разных в функционально-структурном отношении моделей¹⁰ (в синонимическом же ряду грамматическое значение членов ряда общее или близкое, а формально-структурные их свойства различны).

Заметим, что существуют и гетерофункциональные синтаксические ряды, в качестве одного из членов которых выступает устно-разговорная модель, в качестве другого (других) члена (членов) — модель какого-либо функционального стиля или (и) общелитературная. Такие ряды — синонимические. Если гомофункциональный ряд строится на свойстве разной

⁹ В этом состоит ответ на вопрос Е. Н. Ширяева о месте слабооформленных построений в корпусе синтаксических средств устно-разговорной разновидности (см.: «Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1966—1969 гг. Синтаксис», М., 1973, стр. 129).

¹⁰ Заметим, что это не вопрос интерпретации, как это считает, упрекая автора этой статьи в смещении лингвистических объектов, Е. Н. Ширяев («Связи свободного соединения ...», стр. 167), по свойство самого объекта.

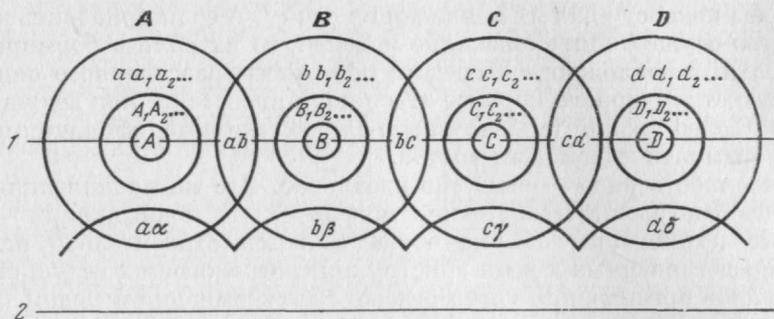

Рис. 1. Принцип устройства поля современного русского устно-разговорного некодифицированного литературного синтаксиса: ... *A, B, C, D*... — модели, ... *A, B, C, D*... — собственно модели, *A₁, A₂...*, *B₁, B₂...*, *C₁, C₂...*, *D₁, D₂...* — модификации моделей, *a, a₁, a₂...*, *ab, aα, b, b₁, b₂...*, *bc, bβ, c, c₁, c₂...*, *cα, cγ, d, d₁, d₂...*, *dδ* — реализации моделей и модификаций; 1 — поле устно-разговорного синтаксиса; 2 — поле общелитературного синтаксиса

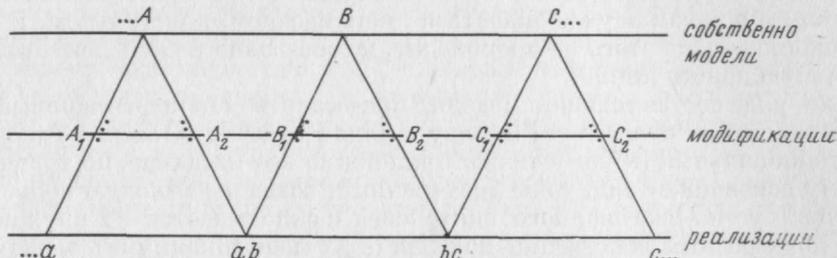

Рис. 2. Принцип устройства горизонтальных и вертикальных гомофункциональных рядов поля современного русского устно-разговорного некодифицированного литературного синтаксиса: ... *A, B, C*... — собственно модели; *A₁, A₂...*, *B₁, B₂...*, *C₁, C₂...* — модификации моделей; ... *a*..., *ab*..., *bc*..., *c*... — реализации моделей и модификаций; *AA₁A₂ aab*, *BB₁B₂ ab bc*, *CC₁C₂ bc c*... — вертикальные ряды; ... *AA₂ ab B₁B*, *BB₂ bc C₁C*... — горизонтальные ряды

степени абстрактно-грамматической оформленности конструкции, то гетерофункциональный ряд строится на началах семантико-синтаксической эквивалентности разных, но одноуровневых синтаксических конструкций одинаковой степени грамматического абстрагирования. В построении гомофункционального ряда участвуют и глубинные, и поверхностные структуры, организованные иерархически; в построении гетерогенного, синонимического ряда участвуют только глубинные структуры — равноправные члены ряда.

На рис. 1 и 2 представлены основные принципы устройства поля и гомофункциональных рядов. Исследование их свойств проводилось здесь на материале шести типизированных построений.

2. Как же конкретно проявляется охарактеризованный общий принцип гомофункционального ряда в устройстве поля русского устно-разговорного литературного синтаксиса?

Названные выше входящие в него типизированные синтаксические построения распадаются на две основные группы в зависимости от ведущего принципа их организации: построения группы А организуются по принципу и з б ы т о ч н о с т и формально-грамматических средств, построе-

ния группы Б по принципу экономии этих средств. Эти принципы противоположны. По принципу избыточности средств обычно организуются высказывания, оформляющиеся способом раздельного сообщения частей. Это конструкции с именительным темы (составляющие первую подгруппу, для которой характерно присутствие всех элементов сообщения в первоначальных его коммуникативных установках) и конструкции добавления, а также вопросительные конструкции с дополнительной фразовой границей (составляющие вторую подгруппу, для которой характерно присутствие не всех элементов сообщения в первоначальных его коммуникативных установках). Помимо названных структурно-грамматических построений, в каждой подгруппе представлены и построения, организуемые лишь средствами порядка слов. Согласно волновому принципу зон сгущений и разрежений характерных синтаксических признаков, в группе А представлены явления перехода между именительным темы и конструкцией добавления, конструкцией добавления и вопросительной конструкцией с дополнительной фразовой границей.

По принципу экономии формально-грамматических средств организуются построения, образующие две подгруппы. Для первой характерна элиминация информативно избыточных элементов, которые могут быть служебными элементами (первый подвид) и повторяющимися лексически значимыми элементами (второй подвид). Первый подвид составляют бессоюзные подчинительные построения и построения с двойными глаголами, второй подвид составляют конструкции наложения. Для второй подгруппы характерно возникновение дополнительного синтаксического значения и как результат — диффузность общего синтаксического значения конструкции. Сюда относятся конструкции обращения. Как и в группе А, в группе Б представлены явления перехода между членами группы — между бессоюзными подчинительными конструкциями и конструкциями наложения, между бессоюзными подчинительными конструкциями и конструкциями обращения. Наличие переходных явлений внутри одной группы, члены которой построены по одному ведущему принципу, представляется естественным.

Поразительно другое — широкое наличие переходных явлений между построениями, относящимися попарно к группам А и Б, т. е. организованных по диаметрально противоположным принципам. Можно назвать явления перехода между конструкциями с именительным темы и бессоюзными подчинительными конструкциями, между конструкциями с именительным темы и конструкциями наложения, между конструкциями добавления и бессоюзными подчинительными конструкциями, между конструкциями добавления и конструкциями наложения. Видимо, волновой принцип организации поля оказывается сильнее принципа организации самих входящих в него конструкций и побеждает при столкновении с ним. Специфичность формы служит препятствием для возникновения переходных явлений между: конструкциями с именительным темы — вопросительными конструкциями с дополнительной фразовой границей (группа А); конструкциями с именительным темы — конструкциями обращения (группы А и Б); конструкциями добавления — конструкциями обращения (группы А и Б); конструкциями с дополнительной фразовой границей — конструкциями подчинения, наложения, обращения (группы А и Б); конструкциями наложения — конструкциями обращения (группа Б). Отсюда следует, что необходимым условием возникновения переходных явлений следует считать отсутствие непреодолимых препятствий со стороны их формы, которые оказываются сильнее даже волнового принципа поля (хотя конкретно трудно установить, где грань такой формальной непреодолимости, да и само формальное подобие не выступает в качестве очевидного условия сближе-

ния изначально несходных моделей, отчетливо проявляясь лишь на уровне реализаций). Думается, что в целом при смыкании в одной реализации построений, относящихся к группе А, и построений, относящихся к группе Б,

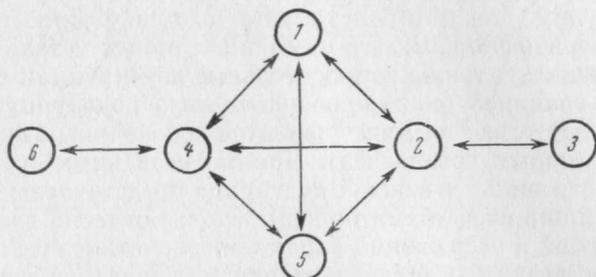

Рис. 3. Устройство корпуса основных типизированных конструкций современного русского устно-разговорного некодифицированного литературного синтаксиса с точки зрения количества их попарных связей: 1 — конструкции с именной темой; 2 — конструкции добавления; 3 — вопросительные конструкции с дополнительной фразовой границей; 4 — бессоюзные подчинительные конструкции; 5 — конструкции наложения; 6 — конструкции обращения

робеждает принцип экономии средств языкового выражения, поскольку в результате одно построение используется для передачи диффузной совокупности различных грамматических значений¹¹.

Итак, типизированные конструкции в отношении их взаимных попарных связей (число которых возрастает от 1 до 4, минуя 2) организованы так, как показано на рис. 3.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Типы фиксированные построения современного русского устно-разговорного литературного синтаксиса

- А. Организованные по принципу избыточности формально-грамматических средств
1. Все элементы сообщения присутствуют в первоначальных коммуникативных установках
 - а) Явления структурно-грамматические
 - Именительный темы
 - б) Явления порядка слов
 2. Не все элементы сообщения присутствуют в первоначальных коммуникативных установках
 - а) Явления структурно-грамматические
 - Добавление
 - Дополнит. фраз. граница
 - б) Явления порядка слов
- Б. Организованные по принципу экономии формально-грамматических средств
1. Организованные способом элиминации информативно избыточных элементов
 - а) Элиминация служебных элементов
 - Бессоюзное подчинение
 - б) Элиминация одного из повторяющихся лексически значимых элементов
 - Наложение
 2. Организованные способом совмещения основного грамматического значения с дополнительным
 - Обращение

¹¹ Явлениями экономии в русском разговорном синтаксисе занимается Г. Г. Инфантова. См.: Г. Г. Инфантова, О системном подходе к изучению явлений экономии в синтаксисе современной русской разговорной речи, сб. «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи», и др. ее работы.

Общий список типизированных конструкций, между которыми попарно возникает формально-грамматическое совпадение в их реализациях

Им. темы:	бессоюз. подчинение } наложение	другой принцип
Добавление:	добавление } им. темы	тот же принцип
	дополнит. фраз. граница } наложение	тот же принцип
Дополнит. фраз. граница:	бессоюз. подчинение } добавление	другой принцип
	Бессоюз. подчинение: } им. темы	тот же принцип
Наложение:	наложение } обращение	другой принцип
	им. темы } добавление	тот же принцип
	бессоюз. подчинение	другой принцип

Общий список типизированных конструкций, между которыми не возникает формально-грамматического совпадения

Им. темы:	дополнит. фраз. граница } обращение	тот же принцип
Добавление:	обращение	другой принцип
Дополнит. фраз. граница:	им. темы } бессоюз. подчинение	тот же принцип
	наложение } обращение	другой принцип
Бессоюз. подчинение:	дополнит. фраз. граница	другой принцип
Наложение:	дополнит. фраз. граница } обращение	другой принцип
	им. темы } наложение	тот же принцип
Обращение:	дополнит. фраз. граница } добавление	другой принцип
	им. темы } наложение	тот же принцип

3. Предложенные схемы можно конкретизировать на материале всех шести типизированных конструкций. Здесь мы ограничимся лишь первой из них — конструкцией с так называемым именительным темы, характеризующейся неограниченным распространением по всей сфере устно-разговорной разновидности современного русского литературного языка во всех ее градах и жанрах, богатством модификаций, большим многообразием конкретных реализаций. Она уже неоднократно, с разной степенью подробности, описана, что облегчает здесь нашу задачу: основной структурно-грамматический принцип конструкции сформулирован, многообразие ее модификаций выявлено, богатый материал реализаций приведен в иллюстрациях. Это позволяет, вкратце напомнив о полученных результатах, направить основное внимание на выявление статуса диффузных реализаций, позволяющих ярко специфической конструкции с именительным темы в ее пограничных звеньях вплотную сомкнуться с некоторыми другими конструкциями и незаметно перейти в них. Сделаем это на материале, еще не зафиксированном в литературе.

Итак, основной принцип конструкций с именительным темы состоит в стремлении к максимальной формально-грамматической независимости части предложения, выражающей информативный центр высказывания, которое проявляется прежде всего в расщеплении синтаксических связей этой части с остальной частью предложения. Этот принцип вызывает к жизни целую серию модификаций, порой вовсе не соотносимых с исходным условным термином «именительный темы», поскольку в функции такого именительного и в рамках исходного принципа может употребляться и

винительный падеж, и законченный предикативный комплекс. Были отмечены такие способы конструктивного закрепления формальной независимости, как инициальная позиция именительного, его обособление, его употребление в позиции синтаксически зависимого падежа, анафорический подхват, включение в состав именительного темы местоимений *который, какой*, расширение именительного темы как в позиции субъекта, так и в позиции объекта действия вплоть до формы цельного предикативного комплекса, включающего глагол, и некот. др. Для этих модификаций были приведены их суммарные интонационные характеристики.

Обратимся к одной из них, чрезвычайно широко представленной в общо-повседневной речи и имеющей четкую структуру. В этой модификации в позиции объекта выступает форма именительного падежа, сопровождаемая предикативным членом и его распространителем; в отдельных реализациях распространители могут отсутствовать; при форме именительного падежа может выступать уточняющий определитель *такой*, в составе предикативного комплекса — актуализаторы типа *там, тут, вон, вот*, усиливающие его коммуникативную самостоятельность; наблюдается интонационная непрерывность на стыке управляющего глагола и независимого члена, где не возникает ни пауз, ни перепада тона, поскольку глагол полностью реализует свою валентность. С валентностью беспредложного сильного управления: — *Л., принеси на холодильник фонарь стоит*¹²; *Завтра принесу бутылка коньяка у меня на работе стоит*; — *Ж., ты можешь принести пила висит там такая садовая искривленная в этом в сарайчике*; — *Дать тебе еще тут есть одна? дать?*; — *Мы сейчас снимем с полатей там у нас есть бутылка сока; Они так все пожирают. Я им дала помнишь был кусок черного хлеба. И они все склевали*; — *Дай мне пожалуйста вон со стула рубашка моя лежит*; — *А., дай мне «Новгородская правда» вон рядом с тобой; Мне подарили ручка светлая такая (последние два примера хорошо показывают свободное поведение реализаций — глагол в них отсутствует, но предикативность выражена)*; *А можно купить тебе такая штука как у нас была*; — *Я куплю вот у нас стоит коробка; Она кормила этого парня, и потом еще кормила там еще какой-то недоношенный мальчик был*; — *Он инъяз кончает. — Он не инъяз кончает, а он кончает там есть курсы при инъязе; Я сегодня в столовой съела запеканка была такая творожная*; — *Тряпок не хватает. Я вот щас найду тут одна была*; — *Почитай!* — *Щас. Я собираю вот тут носочки валяются, видишь, нехорошо?* Разновидность модификации с валентностью предложного сильного управления: — *Он уперся. Он уперся там у меня лежит посторонняя часть и он в нее уперся*; — *Я тебе щас заверну где-то мой платок был; Вон там попей чашечка стоит; А потом ее пригласили в Новосибирск, причем не просто в Новосибирск ее пригласили, а под Новосибирском есть такой Академгородок называется*; — *Я из кружки налью*; — *Не надо, налей вон у тети И. есть еще чай; Давай вот эти трусы повесим вот здесь у нас есть гвоздик*; — *Н., где твой белый стрептоцид?* — *Он там, около палатки, лежит такая сумочка маленькая.*

Достаточно маленького формального нюанса (а модификации легко допускают разные вариации), чтобы реализации модификации приобрела диффузность в своем значении и слилась с реализацией иной модели. Так, в случае формальной омонимии винительного и именительного происходит слияние реализаций рассматриваемой модификации и конструкции наложения (напомним, что в конструкции наложения пограничное между двумя предикативными структурами слово одновременно, не повторяясь дважды, принадлежит им обоим), ср.: *Она даже я помню привезла нам из Китая*

¹² Тире перед примером означает начало реплики.

палочки такие у нас были для еды...; — К., ты видела там на дне цепь лежит? (последнее слово проговорено убыстренно, что способствует и возникновению реализации глагольной модификации добавления); — *Я вчера заходила в мастерскую, мне надо было пришить задничек у меня лопнул* (здесь тоже сомкнулись сразу три реализации — именительного темы, конструкции наложения и бессоюзного подчинения) (другие примеры с омонимией винительного и именительного падежей см. выше). Вот наглядный пример: в первом случае только реализация рассматриваемой модификации именительного темы, во втором она сливается с реализацией конструкции наложения: — *Будете в Переделкине, посмотрите там могила сразу вправо у входа; — Будете в Переделкине, обязательно посмотрите там кладбище есть*. А в следующем случае причиной слияния реализаций именительного темы и наложения явилось изменение местоположения частей высказывания: — *Но она в гнезде выводит. — Но гнездо-то у нее где-то в кустах она прячет, не на камнях выводит* (возможно, что перед нами одновременно и реализация глагольной модификации конструкции добавления). Еще пример, хорошо иллюстрирующий зависимость принадлежности реализации одной или нескольким моделям от элементов ее формы: — *Т. купил какую-то книжечку в Детгизе вышла* — бессоюзное подчинение; — *Т. купил какая-то книжечка в Детгизе вышла* — именительный темы; — *Т. купил какую-то книжечку в Детгизе папина вышла* — бессоюзное подчинение и добавление; — *Т. купил какая-то книжечка в Детгизе папина вышла* — именительный темы и добавление.

А вот как возникает слияние реализаций рассматриваемой модификации и конструкции бессоюзного подчинения: достаточно, например, перемещения во фразе частицы *там*, и эффект налицо: — *Дай мой компот там стоит где-то рядом с моей миской* (ср.: — *Дай там мой компот стоит...* — реализация именительного темы и наложения). В следующем случае к тому же эффекту ведет изменение падежа независимого члена: — *П. очень любит беже она печет*. Вот еще примеры совмещения реализаций бессоюзного подчинения и именительного темы (возникновение подчинительного значения обусловлено особенностями валентности управляющего глагола): — *А завтра обещали дождь будет* (последнее слово произнесено скороговоркой, в связи с чем возникает дополнительно реализация глагольной модификации добавления; омонимия форм именительного и винительного падежей дает и реализацию наложения); — *Я наверное больше не смогу так поплавать. — Да нет, мы сегодня с дядей С. вылезали тоже был песчаный пляж; — Вы там были? — Да. — А видели там на самом конце сосна растет?*

Рассмотренная модификация конструкции с именительным темы сходна с другой его модификацией, в которой предикативно распространяемый номинатив занимает позицию независимого субъекта действия. В целом для нее также характерна интонационная непрерывность. Глагол первой предикативной части предложения является сказуемым при предикативно оформленном номинативе, имеющем сказуемое (здесь особенно наглядно проявляется принцип избыточности). Таким образом, в самой структуре этой модификации уже заложены возможности ее совпадения с конструкцией наложения, ср. — *Ю., тебе нужен телефон тут чей-то записан у тебя; Меня очень соблазнили удочки были немецкие за 18 рублей; А у него там есть аппаратик какой-то небольшой остался; — Надо ее туда поставить. — Только тогда надо те достать. — Откуда? — Оттуда. У нас там есть чашки стоят* (последний глагол произносится убыстренно, возникает реализация глагольной модификации добавления); *Есть такой автор у нас был, который...; Говорят, очень хорошо калина протертая с сахаром продается у нас там нужно купить; В нашем блоке будет жить М. С.,*

наш председатель месткома, ее муж и девочка во втором классе учатся, так что Н. не будет скучно. В последнем случае конструкция перечисления не дала осуществиться реализации наложения, зато произошло совпадение реализации именительного темы с реализацией бессоюзного подчинения. А вот совмещение трех реализаций — именительного темы, наложения, бессоюзного подчинения: — У меня в верхнем ящике стола лежат открытки красивые я купил.

Легкость формальной варибельности в спонтанном неподготовленном речевом потоке лежит в основе богатства синонимических возможностей средств выражения. Одно и то же коммуникативное содержание может быть выражено множеством реализаций с незначительными формальными мутациями. Вот какие синонимические ряды могут возникать при этом: — *Посмотри там брызна может быть будет* (последние три слова добавлены скороговоркой для оправдания формы именительного падежа и соблюдения формы модификации именительного темы; при этом возникает реализация глагольной модификации добавления) \approx *Посмотри, может быть там будет брызна* (общелитературная конструкция) \approx *Посмотри там брызну и окказ.* \approx *Посмотри там брызна* \approx *Посмотри там брызна если будет*. Еще ряд: — *Па, где у меня здесь вобла?*¹³ \approx *Па, где у меня здесь вобла лежала?* (реализация именительного темы; в случае убыстренного произнесения конечного глагола получается ее совпадение с реализацией глагольной модификации добавления) \approx *Па, где у меня вобла здесь лежала?* (реализация бессоюзного подчинения). Еще ряд: — *Там я тебе сварила супчик стоит* (реализации именительного темы, наложения, а в случае убыстренного произнесения глагола — добавления) \approx *Там я тебе супчик сварила стоит* (реализация глагольной модификации добавления) \approx *Там супчик стоит у тебе сварила* (реализация бессоюзного подчинения). Еще ряд: — *Вы не знаете, коляска с одной ручкой удобная?* (общелитературная конструкция) \approx *Вы не знаете, вот коляска есть такая с одной ручкой, она удобная?* (реализация именительного темы) \approx *Вы видели коляска есть с одной ручкой, она удобная?* (реализация первой модификации именительного темы). Ср. также ряды, приведенные выше.

Во второй рассмотренной модификации им. темы есть разновидность, для которой характерно возникновение паузы перед самостоятельно оформляемым членом, связанной с моментом обдумывания, формулирования мысли. Эта пауза наполняется и структурным смыслом — она служит стыком формально резко различных членов (их различие резче, чем в первых двух разновидностях)¹⁴. Ср.: ... но ее вчера не ругали зато на... педсовет вчера был, а О. А. ругали; — *Это у вас статья? — Это будет четыре статьи. — Где? — Три в С. и одна... вот будет такой сборник в институте; Нужно зайти в Транспортное агентство, купить билет... т. е. не билет, а открытки такие специальные есть; — Чайник! — Чего чайник? он с холодной водой. Это шилит... калли вот снаружи; ... или туда, или... у них одновременно будет второй сборник; ... она вдруг увидела ... знаешь, у нас такая банка есть, вон эмалированная стоит; Мы не к С. И. пойдём, и не в тот кабинет, где греют носик. Мы пойдём... еще один кабинет там есть, я тебе покажу; — Скажите, пожалуйста, у вас есть... вот у меня рецепт, вот не знаю, не то жидкость Костелляни, не то Колбелляни; ... к вам*

¹³ О. Б. Сиротинина, неправомерно отказывая конструкциям типа — *А чай у меня где пачка?* в нормативности, одновременно тонко подмечает их близость к конструкциям добавления (см. ее статью «Разговорная речь» в сб. «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969, стр. 389).

¹⁴ Ср.: Т. М. Николеева, Новое направление в изучении спонтанной речи, ВЯ, 1970, 3.

вот тут придет... есть такой П. В этой разновидности особенно заметно, что именительный темы оказывается удобной формой выражения усложненных, многочленных представлений. Эта разновидность близка к общелитературным построениям (которые, естественно, могут быть незаконченными).

Итак, мы рассмотрели всего лишь две модификации конструкции с именительным темы и случаи слитных, диффузных реализаций. Картина оказалась достаточно сложной, но все же и она препарирована. Чтобы показать гибкость модификации и неучитываемость, бесконечную текучесть ее реализаций и готовность их поступиться отчетливостью грамматического значения в пользу его диффузности, приведем еще некоторый материал, не поддающийся типизации. — *Дядя Женя! — Что, дорогой? — Где-то вы... тесемку резали. У вас нет ее?* (т. е. «где-то была тесемка, которую вы резали»; в первой фразе последней реплики лишь формальное, но не по существу синтаксического членения, смыкание с общелитературной конструкцией; *где-то* создает на базе модификации неповторимую реализацию); — *А это что? — Это таблеточку щас выпьем* (отличие от общелитературной конструкции создается наличием элемента *это* и словорасположением); — *А у вас пересадка. Вы прямо садитесь и прямо доезжаете без пересадки?* (т. е. «а как у вас насчет пересадки?»); ...*идет вот, у нас у сторожа собака, так она бросалась на нее* (о кошке); — *Слушай, Л., насчет хозяйства. Ты практикуешь вот прошлый год замороженные овощи были болгарские?; ... и тут я совершенно случайно налетела есть там милейшая такая женщина которая ведет канцелярию Т. И. и она говорит.*

А вот разного рода диффузные реализации с разными возможностями толкования (не надо думать, что все дело в контексте: принципиальная диффузность значения — факт, принадлежащий самой конструкции и не проясняемый контекстом). Немоделируемость их формальных признаков не позволяет с несомненностью квалифицировать реализации: — *И за сколько времени это сделают? — Сделают недели две будут делать* (именительный темы, наложение?); — *Так, девочка, вот тебе сейчас я даю... тарелка (≈ -у) (наложение, бессоюзное подчинение, именительный темы?); Может быть знаешь какое название мне пришло в голову (именительный темы, наложение, добавление?); — Кс.! Вам письмо бросили в наш ящик* (протягивая письмо; последние три слова убыстренно, на слове *письмо* ударение и понижение тона; именительный темы, добавление, наложение, бессоюзное подчинение? совпадение с общелитературной конструкцией лишь формальное: синтаксическое членение иное); — *С. П., я забыла спросить телефон поменяли новый института языкознания в Ленинграде* (вопрос о новом номере телефона; именительный темы, добавление, наложение?); — *Па, а где же вот здесь вот кусок отвалился?* (именительный темы, наложение, бессоюзное подчинение?); — *Они тут кончат? — Да. А некоторые кончат вот мы проезжали мост железнодорожный и там кончат* (именительный темы, добавление?); — *Вот там вот где мы гуляли ходили там поганка или еще какой гриб я видела* (именительный темы, бессоюзное подчинение, добавление?); — *А вы были в резиновом цехе? — Был. — А сталевары ... а ты никогда не был вот у нас на кухне повара работают* (именительный темы, наложение, бессоюзное подчинение?).

Мы вплотную подошли к выявлению случаев и условий смыкания реализаций рассмотренных нами модификаций именительного темы с общелитературными построениями. Приведем наиболее очевидные: — *У меня есть только серый сатин, а у них ... они тебе подберут саржу по цвету;* — *Я заходила в магазин, когда я была у папы, там есть мебельный, и там продается кресло;* — *А голову мыть не будем, будем надевать шапочку.*

помнишь у нас там в Москве шапочки есть такие (здесь стихия разговорности сказалась в способе ритмической организации конструкции); — Я М. провожу и поеду мне кое-что нужно купить; — Откройте дверь здесь женщина не успела сойти (последние два слова убыстренно; одновременно представлена реализация бессоюзного подчинения; в последних двух примерах все же есть отличие от общелитературного варианта: она в отсутствии интонационного перепада). Вот группа случаев, где наблюдается почти полное структурное совпадение общелитературного и устно-разговорного вариантов; различие лишь в усиленном употреблении в устно-разговорном варианте указательных и наречно-местоименных актуализаторов, способствующих раздельному донесению до слушателя частей сообщения: — А вот этой мазью, которой я мажусь, хочешь помазаться?; — Иди в ванну и жди, там Л. тебя ополоснет; — А вот слева полоса, это острова или все-таки берег?; — М., помой, пожалуйста, там немного посуды, ладно?; — Т., сходи, там что-то такое звякнуло около байдарок (опущение посмотри равно присуще обоим функциональным разновидностям); Не опрокиньте там банки мои на верстаке. Заметим, что насыщение высказывания элементами вот, там и под. в целях раздельного представления частей высказывания происходит в конструкциях самого разного типа, ср.: — Сходи там посмотри, какая колбаса; — Вот постарайся в два. Тогда я успею сходить там процедуру одну сделать; Вот потри вот здесь вот у тебя сильная грязь. Иногда формальное совпадение реализации рассмотренных модификаций с общелитературными вариантами не исключает возможности несовпадения синтаксических функций членов: — А я? — А ты? Вон там еще лежит мусор (ситуационный смысл вопроса: «а что я буду подметать, если ты все уже подмела?»; в устно-разговорном варианте сравнительно с общелитературным сильнее объектное значение); — Тут козьяка сидит. — Не козьяка, а просто между зубов попал кусочек апельсина (просто в общелитературном варианте выступает как обстоятельствоное определение при глаголе, в устно-разговорном как детерминант при именительной теме).

Как видим, специфика рассмотренных модификаций столь определена, что даже и в случаях, где форма реализации обеспечивает совпадение с соответствующим общелитературным вариантом, осуществление такого совпадения все же нередко встречает то или иное препятствие «подструктурного», скрытого характера. Но это не значит, что такое положение можно обобщить относительно всего устно-разговорного синтаксиса. Стоит лишь обратиться еще к одной модификации конструкции с именительным темой, как будет видно, что совпадение может быть действительно полным. Специфика этой модификации состоит в том, что самостоятельно оформляемый член получает неограниченно распространенное выражение и полное синтаксическое и интонационное завершение в виде отдельного сообщаемого высказывания, занимающего начальное положение в вопросительном комплексе из двух высказываний. Второе из них имеет местоименно-анафорический подхват употребленного в первом обозначения предмета речи и непространное строение краткой вопросительной реплики. Ср.: — Ты, между прочим, хотела клавиатуру в порядок привести. Ты это сделала или нет?; — Вот ты этот сыр купила. Ты ела его или нет?; — А вот там вводилось летнее расписание поездов с 30 мая. Оно и для дальних поездов тоже изменилось или нет?; — Тут к вам заходил молодой человек. Он не электрик был?; — А вот ты слез со стула. Почему б тебе его не задвинуть? Общелитературный характер подобных построений доказывается таким, например, случаем из газеты (язык газеты здесь идет даже впереди событий, совмещая приемы парцелляции и объединения двух высказываний в вопросительном комплексе и лишая при этом

первое из них законченного характера): *Но если в семье уже кто-то заболел. Что вы порекомендуете окружающим?* («Неделя», 73.1).

Как и в других случаях, между полным и неполным совпадением реализации данной модификации именительного темы с общелитературным вариантом — лишь один шаг. Стоит специфике модификации несколько усилиться путем употребления в начале первого высказывания управляющего глагола, валентность которого простирается за пределы формально выраженной придаточной части, как оно теряет коммуникативную законченность (при сохранении формальной) и обращается в аналог предложения, ср.: — *Скажите, пожалуйста, (вот) у вас было кресло дачное за 19 рублей. Оно у вас еще есть?*; — *Скажите, пожалуйста, у вас на прошлой неделе был желтый линолеум. Он еще есть у вас?*; — *Ты не знаешь, вот эта банка стоит. Это тушенка или нет?*; — *Мам, вот угадай, мы Наташу встретили на выставке. Она обедала или нет?*; — *Вы не знаете, вот киоск там книжный. Он когда работает?*; — *Вы не знаете, ремонт делали. Кончили они или нет?*¹⁵.

4. Приведенные наблюдения и соображения позволяют сделать некоторые общие заключительные замечания относительно характера системности устно-литературного синтаксиса и отношения этой системы к общелитературной синтаксической системе. Самый вопрос о наличии такой системности и ее отличительных свойств, как кажется, сомнений не вызывает. Системность организации собственно устно-разговорных синтаксических средств обеспечивается: 1) самим наличием типизированных построений, характеризующихся специфическими признаками формы и значения и другими признаками (они названы выше); 2) организацией этих построений в специфические для данной системы гомофункциональные ряды, обеспечивающие тесную взаимную связь этих построений — и в смысле собственно структурном, и в смысле совместной встречаемости в речи¹⁶.

Однако эта специфичность рядов такова, что она, будучи продуктом устно-речевой стихии, в итоге обеспечивает широкие выходы системы устно-разговорного синтаксиса в общелитературную синтаксическую систему и создает возможность их постепенного взаимного перехода, отсутст-

¹⁵ И эта модификация (или ее разновидность невопросительной модальности) имеет не поддающиеся типизации и формальному учету реализации, ср.: — *Вот придем, надо тебе проиграть. Там есть пластинка с неоконченной симфонией Шуберта; Я приеду полдвенадцатого. Если до этого времени придет Т., у нее там открытки, она рисовала. Написать буквально по несколько слов на каждой;* — *Да, мам, знаешь, что я тебя очень попрошу купить? В Детском Мире продаются на руку надеваются медведь и волк;* — *А вот вчера я была в Боткинской, там знакомая лежит. И вот она говорит ...;* — *М., ты куда вчера дела сыр?* — *Там внизу стоит какой-то мешочек, по-моему со свеж-лой (отсутствует добавление: и вот в нем).*

¹⁶ На стр. 39, 84 и др. проспекта «Русская разговорная речь» Е. А. Земской говорится о таких признаках системности, как наличие специфического набора языковых средств и их особая синтагматика, которая обнаруживается в типических функциях средства. Выявляются особые, специфические синтаксические возможности соединения словоформ и более крупных строительных блоков. При всей важности выявления подобных характеристик, предполагающего в первую очередь постижение структурных особенностей конструкции, они не могут служить конечной инстанцией установления характера системности, но являются лишь необходимой базой такого установления. Вызывает некоторое сомнение ограничение описания установлением функций конструкции, называемым ее синтагматикой. Что касается ее парадигматики, которая применительно к синтаксису в «Перспекте» не разрабатывается, то ее поиски, как нам кажется, лежат на пути изучения трехчленных гомофункциональных рядов.

В литературе наблюдается крен и в иную сторону. Так, И. Н. Кручинина считает возможным говорить о неграмматичности некоторых ограничений в синтаксисе сложного предложения на основании констатации факта их отсутствия в разговорной речи (И. Н. Кручинина, Тенденции развития современной теории сложного предложения, ВЯ, 1973, 2, стр. 114—115). Такой подход базируется на отождествлении системности устно-разговорной и общелитературной. Почему, однако, нельзя допустить, что самый характер ограничений в обеих сферах разный?

вие резких границ между ними. Осуществление принципа трехчленности гомофункционального ряда вызывает к жизни богатый набор реализаций моделей и их модификаций, основным признаком которых является легкость формальных мутаций. Самый незначительный сдвиг в формальном устройстве модификации, столь легко осуществляемый в спонтанном неподготовленном речевом потоке, ведет к возникновению реализаций обобщенно-диффузного синтаксического значения, в которых смыкаются разные модели, причем принадлежащие как одной устно-разговорной системе, так и разным системам — устно-разговорной и общелитературной. Таких сдвигов в раскованной речи может быть сколько угодно, они не сдерживаются какими-либо регламентациями. В связи с этим число реализаций практически неограниченно, они принципиально не типизируемы — в отличие от моделей и модификаций, к которым они принадлежат. Это очень важное ведущее их свойство, создающее огромные возможности для передачи содержательной стороны речи, с одной стороны, и для создания непрерывного языкового поля, с другой. Чуть строже выдерживается в реализации формально-структурный принцип — и она приближается к модификации, чуть больше отступление от него — и она стремится совпасть с окказионализмом. Видимо, возможны наблюдения статистического плана, которые могли бы показать, что одни типы слияний реализаций наблюдаются чаще, другие реже.

Конечно, не все реализации дают такие слияния. Важна самая эта возможность. Важно также нахождение их в пределах гомофункционального ряда на особом формально нетипизируемом уровне.

Итак, с нашей точки зрения, сама системность устно-разговорного синтаксиса несомненна. Однако система эта весьма ограничена в своих средствах. Типизированных моделей немного (наверное, больше названных шести, но не намного). Обходиться лишь ими, лишь их системой говорящий на современном русском литературном языке был бы просто не в состоянии. В его распоряжении всегда находятся синтаксические средства общелитературной системы. Огромный «остаток», получающийся после вычета типизированных построений из всей массы синтаксических средств устно-разговорной разновидности, принадлежит общелитературной системе и гомофункциональных рядов не образует. Такие построения могут в отдельных моментах своего лексического наполнения или в употреблении актуализаторов типа *вот, вон, там* отличаться от общелитературных (это момент узуальный), могут и не иметь никаких отличий. Важно то, что это уже область общелитературного синтаксиса. Вот для примера несколько записей устно-разговорной литературной речи (такие случаи как неспецифические обычно не фиксируются исследователями разговорной речи и считаются «неинтересными»): — *Вообще-то она будет издана, С. говорит, в 74 году; — А у меня завязана ножка? — Нет. — Почему? — Доктор сказал что не надо; — А что мне читать? — Завтра я пойду на работу, Т. Я тебе принесу что-нибудь; — Течет! — Ну зачем пиццать-то? Вот тряпка сзади тебя. Возьми и вытри; — Мам, у меня есть лента? — Знаешь что? Вот там на кухне на холодильнике стоит корзинка. В ней сидит твоя собака. У нее на шее лента. Вот можешь ее взять.* В последних трех примерах нетрудно увидеть воплощение того же принципа, что и в типизированной устно-разговорной конструкции с именительным темой, но здесь самостоятельность грамматического оформления члена, несущего основной информативный смысл высказывания, доходит до степени законченной предикативности общелитературного построения.

Таким образом, общелитературные синтаксические средства входят в устно-разговорный синтаксис тремя способами: 1) непосредственно включаясь в корпус его синтаксических средств; 2) будучи членом гетерофунк-

ционального синтаксического синонимического ряда, т. е. выступая синонимом специфического типизированного средства (большая или меньшая возможность осуществления такой синонимии определяется рядом экстралингвистических факторов — например, более или менее однозначной прикрепленностью данного типизированного построения к определенному ситуационно-тематическому циклу: чем ярче прикрепленность, тем меньше возможность синонимии)¹⁷; 3) будучи членом гомофункционального ряда, т. е. совпадая с его диффузной в своем грамматическом значении реализацией. Здесь мы подробнее осветили третий способ как имеющий непосредственное отношение к характеру системности современного русского литературного неcodифицированного устно-разговорного синтаксиса. Взаимоотношение корпуса средств устно-разговорного и общелитературного синтаксиса и положение системы типизированных устно-разговорных средств показано на рис. 4.

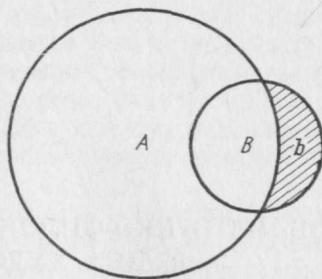

Рис. 4. Взаимное соотношение систем общелитературного и неcodифицированного устно-разговорного синтаксиса и положение корпуса устно-разговорных синтаксических средств: *A* — общелитературный синтаксис; *B* — корпус устно-разговорных средств; *b* — специфически устно-разговорный неcodифицированный синтаксис

*

До сих пор основное внимание исследователей русской разговорной речи в области синтаксиса было обращено на выявление его специфических моделей. Настало время, не ослабляя внимания к этому направлению, исследовать и неспецифические, переходные его области, и детально изучить механизм, обеспечивающий единство современного русского литературного языка при всем многообразии его функционально-стилевых проявлений.

¹⁷ См. об этом: О. А. Лаптева, Устно-разговорная разновидность современного русского литературного языка и другие его компоненты, ст. первая и вторая, «Вопросы стилистики», вып. 7 и 8, Саратов (в печати).